

Глава 7

СЕВЕРНЫЕ АНДЫ И ЮГО-ВОСТОК ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ

Уже было сказано, что технология добычи и обработки золота во второй половине I тыс. до н.э. из Эквадора проникла в Колумбию. Относящаяся к этому времени культура илама существовала в районе Калима к западу от Западной Кордильеры и к северу от современного города Кали (карта 10 на рис. 78). Она напоминает толиту: в погребениях найдены керамика с изображениями мифических существ и людей, а также золотые изделия, в т.ч. маски, которые, скорее всего, использовались также и в ритуалах [Cardale Schrimpf 2005: 55–93; Drennan 2008: 390]. О поселениях иламы известно мало. На основе иламы на рубеже нашей эры в том же районе и соседнем бассейне верхней Кауки развиваются культуры йотоко (она же калима) и малагана, которую иногда считают вариантом йотоко (карта 11 на рис. 78). Количество золота в погребениях резко увеличивается. Общий вес золотых предметов, попавших на рынок древностей после разграбления в 1992 г. могильника Малаганы, оценивается в пределах от 140 до 230 кг [Cardale Schrimpf 2005: 143; Drennan 2008: 391]. Среди этих предметов есть характерный для культуры толита [Cardale Schrimpf 2005, fig. IV.25], что свидетельствует о частичной синхронности обеих культур и связях между ними.

В Малагане и вокруг нее после известий о найденном золоте были проведены значительные археологические работы [Cardale Schrimpf 2005: 143–196]. Это поселение площадью 20 га было центром округа поперечником 50 км. Оно находилось на островке среди заболоченной территории, богатой рыбой и дичью и подходящей для устройства грядковых полей, следы которых найдены. Поселение было окружено глубоким рвом, но другие поселения этой культуры укреплений не имели. Изображения на керамических сосудах и золотых изделиях также не содержат мотивов, связанных с военной активностью. Поэтому возможно, что ров и насыпь за ним защищали жителей Малаганы не от врагов, а от наводнений. Концентрация богатых захоронений в Малагане выше, чем в соседних

районах. Учитывая данные по различным обществам тропической Америки, число жителей местной политики могло все же измеряться скорее многими тысячами, нежели немногими десятками тысяч. Баснословные сокровища, положенные в могилы местных вождей, столь же плохо поэтому соответствуют численности коллективов, во главе которых эти вожди стояли, сколь и размеры монументальных комплексов II тыс. до н.э. на побережье Перу. Вполне вероятно, что перед нами явления одного порядка: вложения трудовых затрат, будь то в строительство храмов или производство изделий из золота, явились результатом соревнования и кооперации в рамках дуальной организации.

Помимо масок и украшений, среди золотых изделий малаганы есть явно связанные с шаманизмом и приемом наркотиков — правда, не сильных галлюциногенов, а коки. Речь идет о шаманских погрешках и сосудах для извести, которую жуют вместе с листьями коки для активизации выделения алкалоидов [Cardale Schimpff 2005, fig. IV.70, 71]. Золотой предмет, выполненный в стиле толиты, тоже представляет собой сосудик для извести в виде комбинированной фигурки антропоморфного существа и каймана. Нет сомнений, что в сложных обществах Колумбии, так же как и в вождествах и ранних государствах Центральных Анд, многие лица, стоявшие на вершине социальной иерархии, были связаны с исполнением культурных функций и тайным знанием.

В период существования культуры йотоко, т.е. в первой половине I тыс. н.э., навыки металлургии и ювелирного дела и некоторые типы вещей широко распространяются в бассейнах Кауки и Магдалены. Почти на всей этой территории возникают общества уровня сложных вождеств. В пределах подобной сети связей оказались и верховья Магдалены, где к III в. до н.э., т.е. синхронно толите и иламе, сформировалась культура сан-агустин [Drennan 2008: 383–387; Drennan et al. 1991; Rodríguez 2007b: 78–104]. О появлении именно сложных вождеств допустимо говорить с конца I тыс. до н.э., но более надежно — после рубежа нашей эры (карта 11 на рис. 78). Главным свидетельством социополитической сложности являются сотни каменных статуй. Крупные, имевшие высоту до 4 м, находились у входа в склепы (рис. 65 лев.). Некоторые изваяния найдены внутри склепов вместе с каменными саркофагами, и в этих случаях видно, что статуи были ярко раскрашены (рис. 65 прав.) [Velandia 1994: 67–100]. Каждый саркофаг предназначался для од-

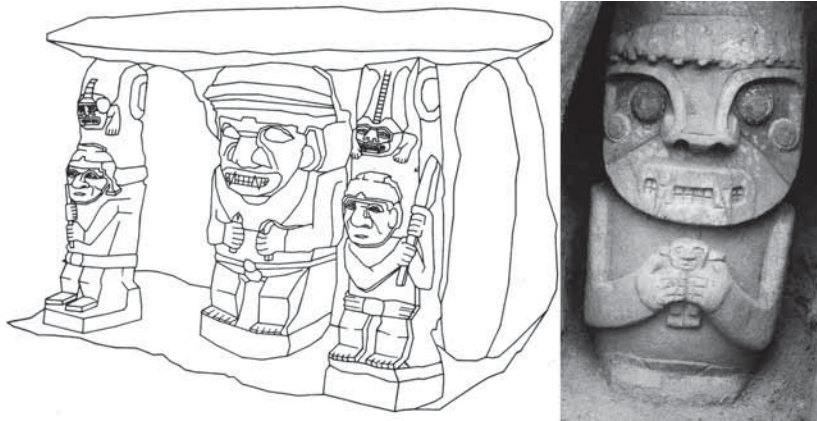

Рис. 65.

Слева: положение статуй перед входом в один из склепов культуры сан-агустин, по [Duque Gómez, Cubillos 1983, обложка].

Справа: статуя с раскрашенным лицом, обнаруженная внутри склепа, по [Cubillos 1986, lam. Xb]

ного умершего, т.е. в склепах погребали местных лидеров. Картографирование склепов и статуй позволило выделить четыре-пять крупных и несколько мелких скоплений, соответствующих, по всей видимости, каким-то политическим объединениям. В некоторых число жителей могло достигать 5 тыс. человек. Рядовое население было рассеяно по хуторам вокруг ритуальных центров.

Золото создателям культуры сан-агустин было известно, но изделий из него найдено очень мало. Керамика этой культуры, в отличие от керамики многих других культур региона, лишена фигуративных изображений и довольно груба [Cubillos 1980, pl. 1–4, lam. XIII–XIV]. Весьма вероятно, что, как и в культуре мантеньо, воздвижение статуй и проведение около них ритуалов было достаточно для наделения определенных лиц властными полномочиями. Соответственно для обеспечения своего престижа элита не нуждалась в захоронении в склепах изделий из металла и произведений искусства.

После 600 н.э., т.е. примерно синхронно затуханию культуры йотоко в бассейне Кауки, культура сан-агустин тоже входит в полосу кризиса. Создание статуй прекращается, хотя численность населения в верховьях Магдалены не изменилась. Северная часть ареала

культуры сан-агустин площадью 35×20 км обособляется, и там возникает новая культура — тьеррадентро (карта 13 на рис. 79) [Drennan 2008: 388; Drennan et al. 1991; Fernández 2011; Langebaek, Dever 2009; Rodríguez 2007b: 84–102; Sevilla Casas 2009; 2010]. В тьеррадентро вместо статуй мифических существ и склепов вождей появляются вырубленные в мягкой породе коллективные погребальные камеры (рис. 66). Их стены, потолки и опоры расписаны геометрическими узорами, пилоны у стен оформлены как схематичные антропоморфные фигуры. Крупные камеры достигают 2,5 м высоты, 9 м в поперечнике и расположены на глубине до 7 м от поверхности. Надо думать, что различия в размерах камер отражают статус отдельных родовых групп. Соотношение между большими и сложно оформленными, средними по размеру и небольшими простыми камерами составляет 19:31:50 [Sevilla Casas 2010: 42]. Золотые украшения, как и в сан-агустин, встречаются редко. Культура тьеррадентро просуществовала почти до конкисты, хотя испанцы в этом районе населения практически не застали.

Во второй половине I тыс. н.э. культурная карта Колумбии сильно меняется. В отличие от Перу, продвижение нового населения (чибча из Центральной Америки и карибов из Венесуэлы) нельзя исключать [Constenla 1995]. Центры политогенеза из юго-запад-

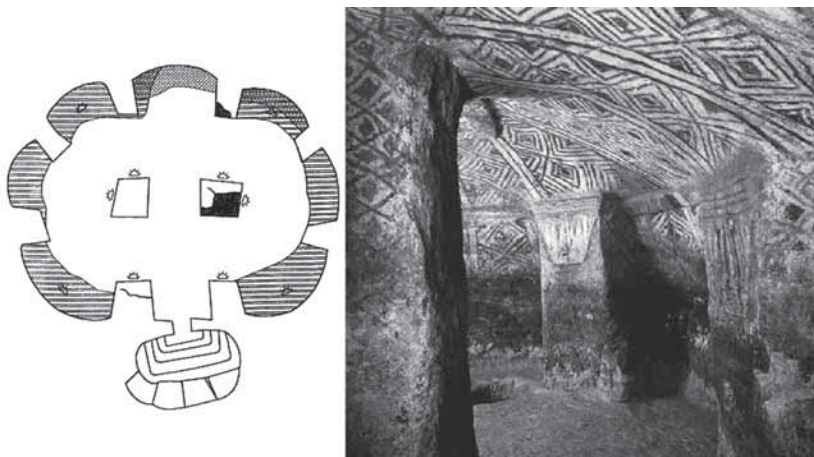

Рис. 66. План и внутренний вид коллективной гробницы культуры тьеррадентро, конец I — начало II тыс. н.э., по [Fernández 2011, fig. 6; Sevilla Casas 2010, fig. 10]

ных районов горной Колумбии перемещаются на восток и север, где возникают культуры сину [Oyuela-Caycedo 2008: 408–413; Reichel-Dolmatoff 1986: 156–163], тайрона [Cadavid 1986; Cadavid, Groot de Mahecha 1984; Castaño 1987; Langebaek 1987; 2005; Oyuela-Caycedo 1987; 2008: 413–424; Serje 1987; Zuidema 1992] и муйска [Fernández 2002; Kruschek 2003; Langebaek, Henrik 1993]. В период конкисты на территории между Мезоамерикой и Центральными Андами соответствующие этим культурам общества были, вероятно, наиболее развитыми в политическом отношении (карты 15, 16 на рис. 79).

Сложные вождества тайрона на северо-востоке Колумбии появились в XII–XIII вв. н.э. Испанские источники о тайрона сообщают мало, основные сведения получены благодаря археологам. Тайрона контролировали территорию между берегом Карибского моря и горным массивом Сьерра-Невада-де-Санта-Марта — примерно 70×70 км (рис. 67). Население крупнейших городков составляло от одной до трех тысяч человек. Самый большой из них, Бури-така-200 площадью 26 га, был основан в горах в ходе освоения верхних частей долин. Пуэблито (20 га) располагался близ карибского побережья и, по-видимому, возник раньше. Остальные городки (Нуликуандекуэ, Пирамиде и пр.) имеют площадь от 13 га и ниже [Hoopes 2011: 232].

Первые свидетельства социальной стратификации в ареале тайрона становятся заметны с середины I тыс. н.э. (богатая гробница в Науанхе 1), но иерархия поселений для этого времени не выявлена [Hoopes 2005: 24]. Примерно с XII–XIII вв. подобная трехуровневая иерархия уже, несомненно, существовала [Langebaek 2005: 24; Oyuela-Caycedo 1987: 217, 221]. Сама предковая для тайрона культура науанхе, по-видимому, возникла под влиянием мигрантов из восточной Коста-Рики [Hoopes 2011: 18–21]. В отличие от Центральной Америки, в северной Колумбии нет крупных каменных изваяний, но в домостроительстве и структуре поселений прослеживается много общего. В частности, только для культур Коста-Рики и для тайрона характерны мощные дороги (рис. 68).

На территории муйсков в районе современной столицы Колумбии процесс усложнения общества начался на несколько веков позже, чем у тайрона, но шел быстрее. Археологическая информация по муйскам не столь обильна, как по тайрона. Поскольку в строительстве камень практически не использовался, поселения изучены хуже. Недостаток археологических материалов восполня-

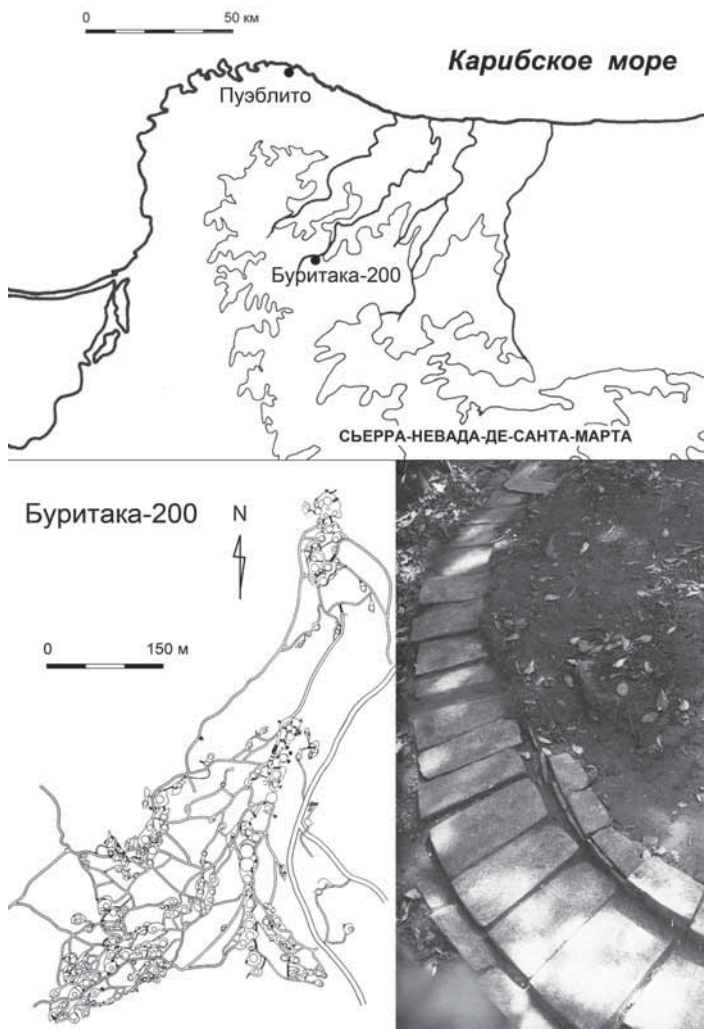

Рис. 67.

Вверху: район горного массива Сьерра-Невада-де-Санта-Марта с крупнейшими центрами культуры тайрона — Пуэблито и Буритака-200.

Внизу слева: план основной части поселения Буритака-200, по [Herrera de Turbay 1985, fig. 6].

Внизу справа: плиты в основании большого круглопланового дома в Пуэблито, по [Reichel-Dolmatoff 1986, fig. 149]

Рис. 68.

Слева: расчищенная вымостка на костариканском поселении в дельте р. Дикис, конец I тыс. н.э., по [Quintanilla 2007, fig. 23].

Справа: вымощенная дорога тайрона, первая половина II тыс. н.э., по [Mason 1931, pl. XVII.3]

ется информацией испанских хроник XVII в. К приходу испанцев у муисков, контролировавших территорию размером 400×100 км, были четыре крупные политии (Богота, Тунха, Согамосо и Дуитама) и значительное число мелких (рис. 69).

Муиски, как и тайрона, занимались интенсивным земледелием с использованием ресурсов разных ландшафтно-климатических зон. Для элиты муисков контроль за внешним обменом был, видимо, важнее, чем для тайрона. Золото, перья тропических птиц, калембасы, мед и наркотик *Anadenanthera peregrina* (вид, родственник упоминавшейся *Anadenanthera colubrina*) муиски получали из низменностей в обмен на хлопчатобумажные ткани и соль. Металлические изделия муисков — низкого качества (почти исключительно медные с небольшим добавлением золота), тогда как массивные культовые предметы и украшения тайрона сделаны из чистого золота. Тайрона единственные в Колумбии широко использовали в строительстве камень (террасы, лестницы, основания домов). Крупные здания диаметром 20–25 м, очевидно, имели административно-культовые функции. Похоже, что элита муисков контролировала прежде всего «реальную экономику», т.е. производство, обмен и хранение продуктов потребления, тогда как для элиты тайрона не меньшее значение имели контроль за престижными ценностями и эзотерическим знанием. В пользу этого свидетельствуют данные середины XX в. по культуре индейцев коги — потомков тайрона [Looper 1996]. Как тайрона, так и муиски практиковали ритуалы

Рис. 69. Вождства муисков в начале XVI в., по [Kruschek 2003, fig. 1.1]

с использованием наркотиков, в которых принимали участие представители высшей знати, но сами ритуалы существенно различались. У муисков они, вероятно, напоминали характерные для Боливийского плоскогорья, Южных Анд и Амазонии, где использовался сильный галлюциноген *Anadenanthera colubrina* либо *Anadenanthera peregrina*, для приема которого служили специальные дощечки, в том числе золотые [Torres 1987a, pl. 9]. Тайрона же, скорее всего, использовали исключительно коку, являющуюся не галлюциногеном, а стимулянт — такой вывод можно сделать, опираясь на этнографические данные по коги.

Ни для тайрона, ни для муисков нет сведений о значительных вооруженных конфликтах между отдельными вождствами, но реакция на приход испанцев оказалась различной. Тайрона отчаянно сопротивлялись и затем ушли в горы, тогда как муиски сопротивления почти не оказали и давно ассимилированы.

В культуре сину (долины рек Сину и Сан-Хорхе на северо-западе Колумбии) сложные вождества появились как минимум не позже, чем у тайрона. Их создатели производили гигантское количество продовольствия — 600 тыс. га заметных и сейчас грядковых полей об этом ясно свидетельствуют. В коллекциях представлено много украшений из золота хорошего качества, известно о богатых захоронениях вождей. Однако в целом культура сину изучена гораздо хуже, чем тайрона и муиска.

В районе Кордильеры-де-Мерида на западе Венесуэлы к приходу испанцев существовали общества, похожие на общество муисков, но менее сложные [Lleras, Langebaek 1987]. Далее на восток в западных районах венесуэльских льяносов, где регулярные наводнения менее продолжительны, чем в более низменных восточных районах, демографический рост и усложнение политической организации происходят в середине I тыс. н.э. [Spencer et al. 1999; Spencer, Redmond 1983; 1992; Zucchi 1972]. В природном и культурно-этническом отношении этот район значительно отличается от горной и прикарибской Колумбии, занимая пограничное положение между андским поясом Южной Америки и обширными пространствами Гвианы и Амазонии.

Во время конкисты испанцы встретили в западных льяносах политические образования типа сложных вождеств, а археологические исследования датируют возникновение таких образований серединой I тыс. н.э. Достаточно хорошо изучено поселение Гаван, возникшее, как и ряд других, в VI в. н.э. (карта 13 на рис. 79). Оно имело форму овала площадью 33 га, было окружено валом и почти наверняка палисадом (рис. 70). Видимо, поселение погибло в результате набега врагов — заметны следы пожара. На прилегающей территории выявлены 5 поселений площадью 6–10 га с искусственными насыпями и 26 площадью 1–4 га без насыпей. Высота основной земляной платформы на самом Гаване составляет 12 м. Выявлены 35 га полей, на которых, судя по пыльце в почве, выращивали кукурузу. Распределение памятников по размеру и типу позволяет уверенно предполагать наличие управленческой иерархии.

Вчетверо более крупный центр Эль-Седраль существовал в 40 км на юг-юго-восток от Гавана (рис. 71). Судя по радиоуглеродным датам, он возник немного позже, но в основном синхронен Гавану [Spencer et al. 1999: 120–125]. В третьей четверти I тыс. н.э. Эль-Седраль не только непосредственно контролировал территорию

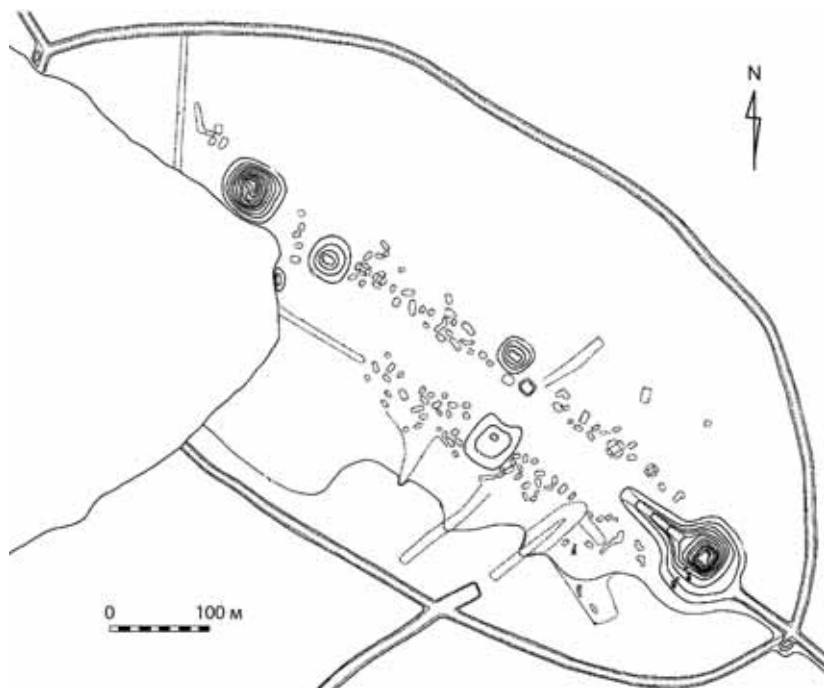

Рис. 70. План поселения Гаван на западе венесуэльских Льяносов, вторая половина I тыс. н.э., по [Spencer, Redmond 1992, fig. 4]

поперечником несколько десятков километров, но и, вероятно, господствовал во всем ареале западных льяносов. Картографирование памятников показало, что Эль-Седраль являлся центром системы поселений с ярко выраженной трехступенчатой иерархией. Главная земляная насыпь, на которой, вероятно, располагались общественно-культурные постройки или дома элиты Эль-Седраля, имеет 100 м в диаметре и 12 м в высоту. Если учесть высоту несохранившихся деревянных построек, которая почти наверняка составляла 10 м и более, возвышавшийся над равниной комплекс должен был выглядеть достаточно монументально. Численность обитателей поселения составляла, по минимальным оценкам, 700 и по максимальным — 4 тыс. человек, что сопоставимо с вероятным числом обитателей в крупнейших центрах культуры тайрона. Эль-Седраль расположен у берега реки, что было удобно для обороны. С нахо-

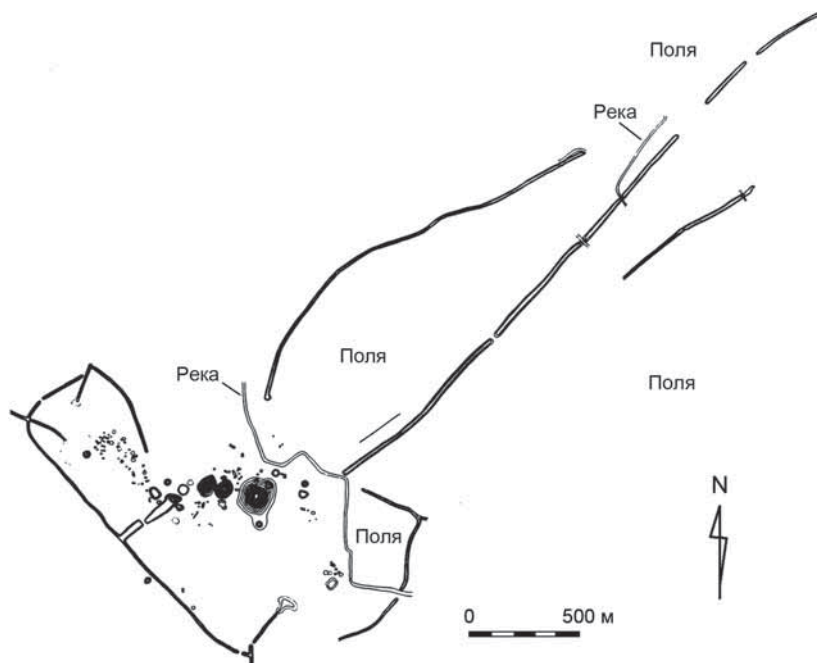

Рис. 71. План поселения Эль-Седраль на западе венесуэльских льяносов, третья четверть I тыс. н.э., по [Spencer et al. 1999, fig. 7.8]. Показаны земляные платформы и дороги на насыпях, окружающие поселение и соединяющие его с центрами второго порядка

дившимися на расстоянии порядка 10 км поселениями второго уровня, в которых также обнаружены высокие насыпи, Эль-Седраль был связан дорогами на насыпях высотой 1,5–2 м. При необходимости такие насыпи могли использовать и в качестве оборонительных сооружений.

В Панаме и Коста-Рике ход социополитического развития выглядит более стабильным и однонаправленным, чем в Колумбии. Для позднего предиспанского времени численность крупных вождеств этого ареала, на основании археологических данных и свидетельств конкистадоров, оценивается в 5–7 тыс. человек, население их центральных поселений — в 1,5–2 тыс. [Сooke 2005: 157–158]. Наиболее развитые общества находились на западном берегу Панамского залива, в районе панамско-костариканской границы,

а в центральной Коста-Рике — по обеим сторонам континентального водораздела и близ тихоокеанского побережья. На северо-востоке Коста-Рики надобщинные политические структуры до прихода испанцев вряд ли возникли. Для Восточной Панамы археологических свидетельств такого рода пока тоже нет, хотя автор эпохи конкисты пишет о местных вождях двух рангов [Haller 2004: 130].

В центральной Панаме золотые изделия встречаются в захоронениях IV–V вв. н.э. и далее остаются неизменным атрибутом местной элиты, о чем есть свидетельства эпохи европейских контактов. С VI в. качество ремесленной продукции заметно повышается, появляются большие могильники, у многих из захороненных, включая детей, инвентарь включает золотые украшения и ожерелья из дорогих раковин *Spondylus*, хотя резко выделяющихся среди прочих погребальных комплексов еще нет [Creamer, Naas 1985: 744–745; Hoopes 2005: 22–23]. Сформировавшаяся в VIII в. культура кокле (карта 13 на рис. 79) получила мировую известность благодаря ювелирным изделиям, в т.ч. большим золотым пекторальям (рис. 17.1), а также расписной керамике стандартных форм с полихромными изображениями мифических существ и животных. Могилы вождей содержат десятки сосудов, золото, изумруды и прочие ценности, а также тела сопроводительных жертв (рис. 72) [Lothrop 1937]. Различия в отношении богатства инвентаря между отдельными погребальными комплексами по-прежнему сглажены, но богатые детские захоронения исчезают или по крайней мере не найдены. Скорее всего, это значит, что статус представителей элиты зависел от их личных заслуг [Haller 2004: 5–10]. Не очень понятно, что в поддержании власти было важнее: доступ к сакральному знанию, контроль над ресурсами или военные успехи. В отличие от тех районов Колумбии, где существовали культуры сину и тайрона, в Панаме всегда оставались участки пригодных к обработке свободных земель и плотность населения не достигала предельных возможных значений [Haller 2004: 100–132].

Культура кокле, лучше всего известная по находкам в Ситио-Конте, просуществовала два века (750–950 н.э.) [Hoopes 2005: 22], но расписная керамика хорошего качества, изделия из золота, а также трехуровневая иерархия поселений характерны и для более поздних культур центральной Панамы вплоть до конкисты. В последние века перед приходом испанцев здесь появляются каменные вымостки и ряды каменных столбов в ассоциации с богатыми захоронениями.

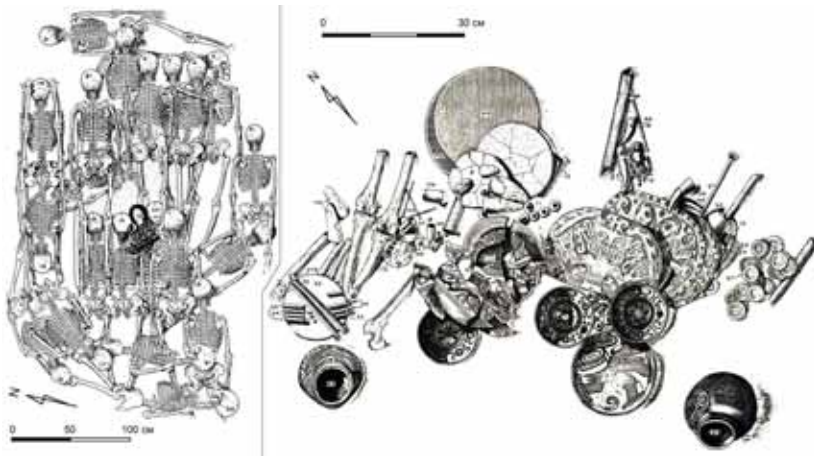

Рис. 72. Погребение № 26 в Ситио-Конте, культура кокле.

Слева: расположение костных останков — главный погребенный (№ 12) и более 20 сопроводительных жертв. Положение костяков отчасти реконструировано, поскольку при обрушении в древности погребальной камеры многие кости были сдвинуты с места.

Справа: расположение погребального инвентаря, включавшего полихромную керамику и золотые пекторали, по [Lothrop 1937, fig. 31, 247]

В Коста-Рике сложные общества формируются в III–IV вв. н.э. и достигают расцвета в XI–XII вв. [Murillo Herrera 2009; Snarskis 1987]. Их основные археологические проявления — каменная скульптура, изделия из золота в погребениях и крупные поселения с каменными вымостками и земляными платформами.

На юге Коста-Рики, в районе к западу от границы с Панамой и к югу от континентального водораздела, двухранговая иерархия поселений формируется в последних веках до нашей эры. Примерно с IV в. н.э. (период агуас-буэнас) в крупных деревнях появляются земляные платформы с облицовкой из булыжников, а позже — каменные статуи и большие фигурные зернотерки и терочные камни [Дэвлет 2000: 108–125]. Во время совершения ритуалов такие зернотерки служили тронами или алтарями [Olsen Bruhns 1992: 351]. Близкая культура представлена в сопредельном районе Панамы (стиль баррилес). Начиная с периода чирики, т.е. с VIII в. н.э., население заметно растет, размеры деревень увеличиваются, в них строятся круглопланные дома до 30 м в диаметре (рис. 73) [Quilter

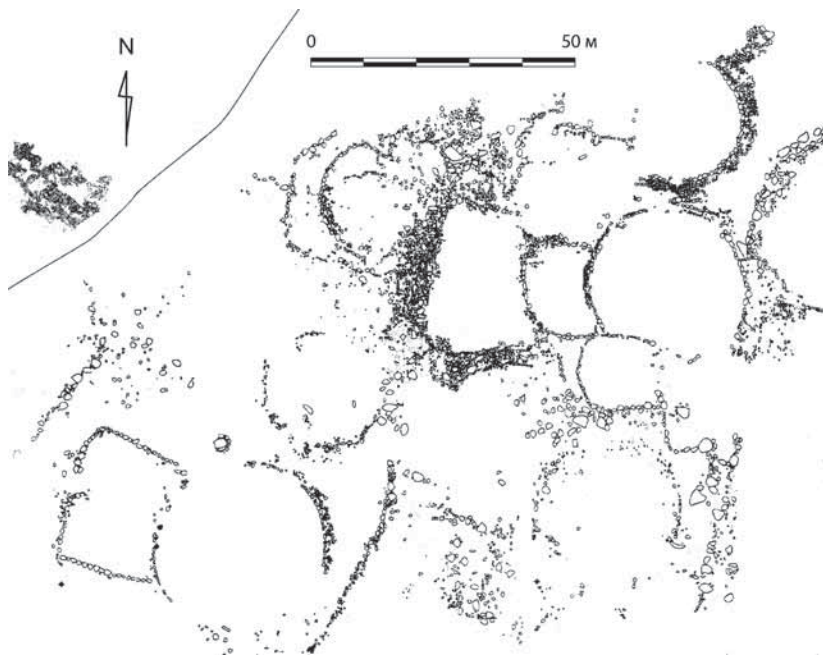

Рис. 73. Расчищенные основания домов на костариканском поселении Ривас, провинция Сан-Хосе, тихоокеанская сторона водораздела, 900–1300 н.э. Раскопками выявлены десятки оснований домов диаметром порядка 30 м, по [Quilter 2004, fig. 2.18]

2004, fig. 2.18, 3.1–3.4]. Площадь крупных поселений достигает 2 кв. км (Ривас) и даже 4 кв. км (Мурсьелаго) [Hoopes 2011: 432; Ulloa 2001: 66]. Застроена была лишь часть этой территории, поэтому численность обитателей определить сложно, но речь явно идет о многих сотнях и, весьма вероятно, о двух–трех тысячах жителей.

В богатых погребениях конца I — начала II тыс. н.э. на территории Коста-Рики обычны золотые подвески и полихромная расписная керамика. Выявлены вымощенные дороги и палисады вокруг селений. Продолжается создание статуй в виде антропо- и зооморфных существ, изготовление больших ритуальных зернотерок (рис. 74), а также идеально круглых огромных каменных сфер [Fernández, Quintanilla 2003; Quintanilla 2007]. Такие сферы появляются примерно в IV в. н.э. Обычно они находятся неподалеку от земляных платформ, на которых располагались постройки. Сферы

Рис. 74. Каменные зернотерки в виде ягуаров, типичные для культур Коста-Рики конца I — начала II тыс. н.э., длина от 25 до 50 см, по [Mason 1945, pl. 18]

диаметром 1,5 м весят около 4 т, но есть экземпляры диаметром до 2,5 м и весом до 16 т (рис. 75).

В сопредельном районе Панама культура чирики не представлена, здесь ей синхронен период политической дезинтеграции. Однако в центральной Коста-Рике к востоку от континентального водораздела в конце I — начале II тыс. н.э. также появляются очень крупные поселения. Наиболее известно Гуаябó, протянувшееся на 12 км вдоль склона холма. Поселение не раскапывалось, но в рельефе прослеживается всхолмление диаметром 30 м, охваченное четырьмя кольцами опорных стен, от которого в сторону могильника, расположенного в 1,5 км, ведет широкая насыпь, по-видимому, предназначавшаяся для процессий. Как и на поселениях по тихоокеанскую сторону водораздела, в Гуаябо представлены объемные изваяния антропоморфных существ и большие каменные зернотерки со сложными резными изображениями [Hoopes 2011: 432–434; Jones 1988, fig. 6].

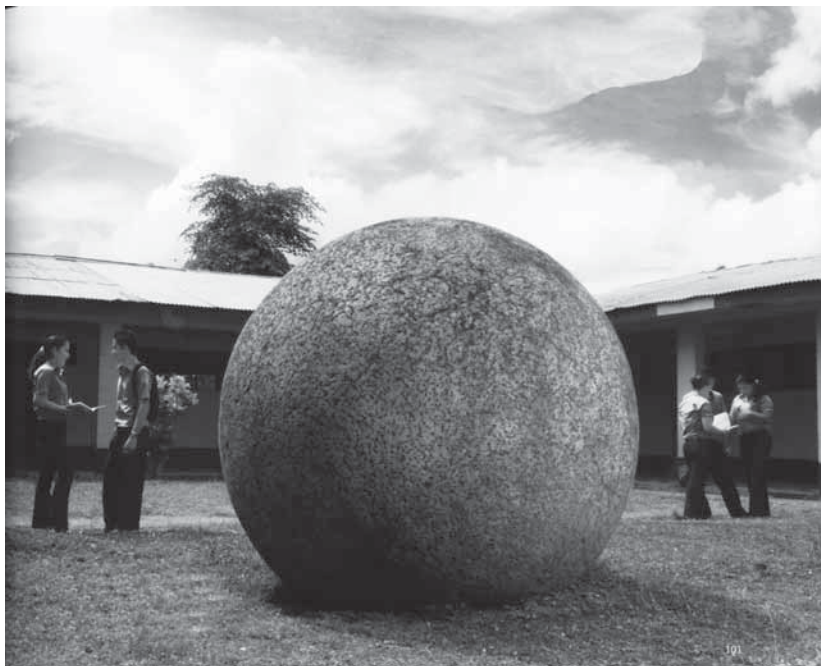

Рис. 75. Костариканская каменная сфера диаметром 209 см и весом 9,5 т, по [Quintanilla 2007, fig. 59a]

Свидетельства военной активности в культурах Коста-Рики в основном те же, что и в сложных обществах Колумбии, Эквадора и северного Перу, т.е. головы-трофеи, изображенные в руках людей и мифических существ, реже — фигуры пленников. Речь, в частности, идет о каменной скульптуре стиля лас-мерседес на карибской стороне континентального водораздела (после 1000 н.э.), панамском стиле баррилес [Дэвлет 2000: 155–169, 198–208; Quintanilla 2007, fig. 18b] и статуях с поселения Гуаябо [Hoopes 2011: 435].